

- *Символическая функция в структуре сознания*
- *Применение морфологического анализа в исследовании атрибутики футбольных субкультур Беларуси*

УДК 159.922

Символическая функция в структуре сознания*

А. М. Поляков, кандидат психологических наук, доцент

Symbolic Function in the Structure of Consciousness

A. M. Polyakov, PhD in Psychology, Associate Professor

Экспериментальное исследование влияния символа на содержание сознания

Нам не удалось обнаружить в научных изданиях эмпирических исследований, раскрывающих специфику символического опосредования (использующих понимание символа как медиатора субъект-субъектных отношений). Эмпирические исследования затрагивали главным образом проблему знакового опосредования и моделирования (Н. Г. Салмина, Е. Е. Сапогова, Ж. Пиаже и др.). Если и шла речь о символах, то они понимались как разновидность знака, т. е. как наглядные средства, замещающие какие-либо содержания предметной действительности, но не субъектной реальности.

Для того чтобы определить, какое психологическое влияние символ оказывает на человека, мы провели эксперимент, в котором попытались смоделировать воздействие на сознание человека символической реальности по сравнению с предметной. В исследовании приняли участие десять взрослых испытуемых различного пола, возраста (от 18 до 56 лет) и образования. Небольшой объем выборки связан с тем, что перед нами стояла задача выявления закономерностей *работы СФС*, а не определения каких-либо ее особенностей у некоторой генеральной совокупности индивидов.

Для обнаружения указанных различий испытуемым предъявлялись две группы стимулов: простые объекты и объекты-символы. В первую группу вошли объекты двух типов, которые воспринимались испытуемыми соответственно в различных модальностях — при помощи зрения и при помощи осязания. Визуально предъявлялись изображения черного равностороннего креста на белом фоне и раз-

ноцветных пузырей на бумаге формата 10×15 см. При помощи осязания также предъявлялись два объекта, выпиленных из фанеры толщиной 8 мм: равносторонний крест размером 11×11 см и многоугольник, по форме приближенный к трапеции, размером 11×4 см. Последние два объекта испытуемый воспринимал с завязанными глазами. Предъявление объектов в разных модальностях осуществлялось для того, чтобы, во-первых, учесть возможность влияния на результат способа предъявления объекта, и, во-вторых, развернуть во времени процесс взаимодействия с объектом благодаря его осуществлению во внешней форме при осязательном восприятии (в этом случае движения испытуемого записывались на видеокамеру). Мы не стали использовать в качестве стимульного материала более сложные предметы, чтобы уменьшить возможность обнаружения в них символического содержания. Во вторую группу — символических объектов — вошли художественные символы также двух типов, с различной степенью выражающие субъектную реальность. Это были репродукции картин (к сожалению, мы не могли предъявить предметы-символы при помощи осязания, так как это затруднило или сделало бы невозможным распознавание в них символического содержания) современного американского художника Тимоти Тайлера размером 10×15 см. К первому типу, с более выраженным символическим эффектом, мы отнесли изображение сидящей девочки, держащей в руках кувшин, — «Кувшин Ханны». Ко второму типу была отнесен натюрморт, с одной стороны, также передающий некоторое отношение автора, т. е. являющийся художественным символом, но, с другой стороны, формально изображающий предметную действительность — грушу, медный чайник

* Продолжение. Начало в № 3 от 2010 г.

и кувшин, расположенные на столе, — «Груша и медь». Мы намеренно использовали репродукции картин одного автора для того, чтобы уменьшить влияние на результат эксперимента специфики стиля и качества художественного произведения.

Основная гипотеза состояла в том, что взаимодействие с символом вызывает встречную активность субъекта, побуждая его порождать или воссоздавать субъектную (смысловую) реальность символа. При взаимодействии с обычным объектом (не приобретающим статус символа) в сознании сохраняется акцент на предметных (внешних) свойствах объекта.

Понимание символа, по нашему предположению, требует от субъекта определенного усилия для сосредоточения на его содержании. Для того, чтобы это проверить, необходимо было развернуть во времени процесс сосредоточения на сознаваемом объекте. Испытуемым предлагалось сосредоточиться на предъявляемом объекте как можно дольше. Если у испытуемого наступала стадия психического пресыщения, ему оказывалась стимулирующая помощь («Постарайтесь еще сосредоточиться на картине (этом предмете)», «Не важно, появляются ли у вас новые мысли, продолжайте на нем концентрироваться» и т. п.). Такая временная развертка позволила отследить моменты затруднений и изменения содержания сознания (от предметного к субъектному, символическому, или наоборот). Понимание символа требует «погружения» в его содержание. Психическое пресыщение в ряде случаев помогало это сделать, стимулировало переходы от одного содержания сознания к другому, так как испытуемый «исчерпывал» свои исходные установки на осознание предъявляемого объекта и вынужден был перейти к новому содержанию для продолжения выполнения задания.

Кроме того, временная развертка была необходима для решения еще одной задачи. Дело в том, что осознание символического содержания может происходить мгновенно и, соответственно, отследить в естественных условиях момент понимания символа зачастую невозможно. Для изучения этих процессов их необходимо искусственно «растянуть» во времени. В этом, кроме задачи на сосредоточение, нам помог еще один прием, который для исследования процессов решения мыслительных задач разработал известный гештальтпсихолог К. Дункер [3]. Этим приемом является рассуждение вслух. Испытуемому предлагалось произносить все возникающие у него мысли вслух. Такой прием позволял зафиксировать этапы рассуждения испытуемого, в естественных условиях скрытого от постороннего наблюдателя. В нашем случае это было необходимо для актуализации содержаний созна-

ния, возникающих при сосредоточении на предъявляемом объекте. Безусловно, мы отдавали себе отчет в том, что высказываемые испытуемыми вслух мысли могут искажаться или не представлять исчерпывающе все, что происходило «в голове» у них. Однако это не столь существенный недостаток, так как нам необходимо было отследить общую «логику движения» содержания сознания.

Для того чтобы не оказывать влияния на возникающие у испытуемых установки, им сообщалось о том, что эксперимент нацелен на исследование внимания. Инструкция в данном эксперименте звучала следующим образом: «Постарайтесь как можно дольше сосредотачиваться на этой картине (этом предмете) и произносите вслух все мысли, которые у вас при этом будут возникать. Содержание того, что вы будете говорить, не имеет значения».

В результате анализа ответов испытуемых нами было выделено 4 типа высказываний:

1. Высказывания с объектным содержанием (О):
«Шероховатое, тут выемка. Так бы можно было подумать, что это трапеция. А может, даже не трапеция. Может, окрашенная каким-нибудь цветом»; «Чайник — с крышечкой. Крышечка — с дырочкой»; «Какая-то вещь, которая сама по себе не имеет никакого значения, но как часть чего-то очень важная»;
2. Высказывания с субъектным содержанием, выявляемым в описаниях себя, своего Я: своих состояний, намерений, желаний, отношений и др. (С—Я):
«Хочется спать очень. Дальше. Ни одной мысли вообще в голове. Как темнота... Нету мыслей вообще»; «Не знаю даже, что еще можно сказать про все это»; «Почему-то хочется ее к чему-то привязать, чтобы она достроилась и ожила... Какой-то приобрела образ цельный»;
3. Высказывания с субъектным содержанием, выявляемым в описаниях объекта и приписываемым другому субъекту (С—с):
«И очень такой взрослый взгляд у девочки, полный взрослых переживаний»; «Вот она эту воду набрала и теперь сидит задумавшись»; «Очень красивая девочка»; «Он — не натюрморт одинокого человека почему-то, а натюрморт, вот, кухни семьи. Говорит о семье, вот тут есть семья. Почему-то тихая такая, трудолюбивая, немногословная женщина, у которой все как-то в порядке, которая мало говорит... Больше говорит глазами, чем ртом...»; «Очень необычно для маленькой девочки... Такая глубокая задумчивость... Вот... Причем, интересно, что (откашливается)... как бы цветовая гамма, она подчеркивает, на мой взгляд, настроение этой девочки...»;
4. Высказывания с субъектным содержанием, выявляемым в описаниях объекта, в которых либо

чередуются, либо одновременно представлены и собственное Я, и другой – символизируемый – субъект (С (Я–с)):

«Задумчивые глаза вызывают эмоцию грусти. Но на самом деле они скорее самого заставляют задуматься. Ты думаешь... Ну, хочется подумать, понять, о чем же она думает»; «Еще, глядя на картину, я понимаю, что вот взор мой привлекает именно лицо девочки, ее глаза. То есть, глядя на картину, я как бы понимаю, что я смотрю на лицо девочки... Все как бы дополняет, но вот лицо для меня самая притягательная часть»; «Просто на эту девочку все время хочется смотреть. Она завораживает. Как будто ты встретился... вообще вот вся жизнь, вот ты вот такой. Вот ты сейчас уже другой, и вот она, вся твоя жизнь, между этой девочкой и тем, что ты сейчас сидишь и говоришь. Вот она, вся жизнь».

Полученные данные были соотнесены с выделенными типами высказываний, отражающими различные содержания сознания, при предъявлении объектных и символических стимулов. В результате проведенного исследования мы обнаружили несколько интересных и важных закономерностей в высказываниях и действиях испытуемых. В самом общем виде их можно сформулировать следующим образом.

1. В высказываниях испытуемых в каждый конкретный момент времени отражалось либо субъектное (ответы типов С–Я, С–с, С (Я–с)) либо предметное (объектное) (ответы типа О) содержание¹. К первому можно отнести высказывания по поводу отношений, состояний, намерений, переживаний, статуса, деятельности субъекта, ко вторым – описания физических свойств объекта, его назначения, внешней стороны действий, предметных ассоциаций, связанных с ним, и т. п. Это позволяет нам говорить о дискретности субъектного и предметного (объектного) содержания сознания, их дифференцированности.

2. Как при сосредоточении на «объектном», так и на «символическом» стимульном материале субъектное и объектное содержания циклически чередовались: испытуемые поочередно говорили то о предметных свойствах объекта, то о субъектной реальности, реальности человеческих действий и отношений.

3. Высказывания при сосредоточении на предметных и символических объектах различались.

3.1. При сосредоточении на «объектном» стимульном материале испытуемый осознает лишь самого себя как субъекта (ответы типа С–Я). При сосредоточении на символическом изображении

оно само наделяется свойствами субъектности, осознается как активное или, точнее, за ним видится другой субъект. Если в первом случае цикл между «объектными» и «субъектными» содержаниями проходит как бы между самим испытуемым и воспринимаемым объектом (испытуемый то описывает объект-стимул, то переходит к описанию собственных состояний, намерений, отношений), то во втором случае этот цикл совершается уже «внутри» самого символа – между его внешней предметной формой и внутренним смысловым содержанием (описывалось то предметное содержание изображения, то отношения, переживания, состояния, намерения изображенного персонажа или, несколько реже, автора картины). При работе с символическими объектами-стимулами количество высказываний, отражающих субъектную реальность Другого, было существенно большим по сравнению с работой с объектным материалом (таблица 1). В некоторых случаях сосредоточения на символическом объекте, когда у испытуемых наступало пресыщение, символ начинал восприниматься как «неживой» объект и субъектность «возвращалась» к самому испытуемому. Последнее наблюдение подтверждает наше предположение о том, что обнаружение символического смысла, понимание символа, требует определенных внутренних усилий от человека. Это же подтверждается и наблюдением № 4.

Таблица 1 – Соотношение типов высказываний при предъявлении стимулов с объектным и символическим содержанием

Стимул	Типы высказываний, %			
	О	С–Я	С–с	С (Я–с)
Объектный	50,15	46,25	2,1	1,5
Символический	36	21,98	24,88	19,25

3.2. В «символических» описаниях зачастую было невозможно разделить субъектное и объектное содержание, так как последнее наделялось определенным смыслом или к нему выражалось определенное отношение, субъектная и объектная реальности в символе образовывали неделимую целостность (ответы типа С (Я–с)). В противоположность этому, содержание высказываний по поводу простых стимулов-объектов было более произвольным и формальным.

3.3. Сосредоточение на объектах-символах во многих случаях сопровождалось обнаружением его антиномии – парадоксального сочетания противоположных по смыслу признаков или свойств объекта, что приводило к углублению понимания субъектной реальности, передаваемой символом (например, при сосредоточении на картине «Кув-

¹ К сожалению, из-за краткости мы не имеем возможности привести примеры полных высказываний испытуемых.

шин Ханны» испытуемый обнаруживал несоответствие «взрослого задумчивого взгляда» возрасту девочки).

Последние две особенности позволяют нам говорить о прочной внутренней связи между внешней формой символа и его смысловым содержанием, которая при произвольном и условном («знаковом») отношении к предметной действительности отсутствует (обычный предмет может иметь много различных значений: например, стол может быть не только столом, но и полем боя для ребенка, играющего с солдатиками, и дровами, и семейной реликвией, и многим другим). Символ, как это ни парадоксально, при своей внутренней пустоте обладает большей определенностью, нежели «безличный» предмет. С этим же связана и уникальность символа, указывающего на конкретного субъекта, его Я.

4. При переходе от описания одного содержания сознания к другому (от предметного к символическому либо наоборот) во многих случаях возникали паузы длительностью от 2–3 до 50 секунд. Этот факт, на наш взгляд, подчеркивает субъективную трудность «переключения» сознания с предметной реальности на реальность субъект-субъектных отношений и обратно или, по крайней мере, трудность их рационального совмещения. Такие переходы, по всей видимости, требуют изменения самого принципа работы сознания (можно эту мысль соотнести с особенностями функционирования различных слоев сознания). Каждый такой переход требует обнаружения новой смысловой целостности, никак напрямую не вытекающей из предыдущего содержания, *смены смысловой позиции* субъекта. На это указывает еще и то, что даже при описании объектных характеристик после пауз испытуемые часто начинали вычленять новые характеристики или элементы объекта.

При сосредоточении на стимулах с объектным содержанием (объекты 1–4) у испытуемых преобладали высказывания первых двух типов (О и С–Я) с небольшим перевесом в пользу первого типа (50,15 % и 46,25 % соответственно), которые чередовались в ответах испытуемых (табл. 1). При сосредоточении на стимулах символического содержания (объекты 5 и 6) преобладали высказывания последних двух типов (С–с и С (Я–с)), 24,88 % и 19,25 % соответственно, в сумме 44,13 % против 3,6 % ответов символического содержания при предъявлении объектных стимулов), перемежающиеся с высказываниями объектного содержания (О) (36 %). Следует отметить, что сосредоточение на натюрморте (объект 5) в некоторых случаях вызывало такую же динамику содержаний сознания, как и сосредоточение на объектных стимулах (средний процент высказываний символического со-

держания – типов С–с и С (Я–с) – 26,25 % против 62 % при сосредоточении на портрете). Вероятно, это связано с тем, что изображение человека (девочки) значительно легче вызывает переживания, обращая наше сознание к субъектной реальности, в то время как художественные образы неживых объектов (натюрморт) требуют определенной работы сознания для достраивания реальности Другого. Однако наиболее важна целостная картина динамики содержаний сознания, а не количественные пропорции типов высказываний. Если объект переживается как символ, то он задает определенную логику работы сознания, отличную от логики переживания предметной действительности.

Таким образом, общая картина ответов подтверждает нашу гипотезу о специфике влияния символов на сознание человека. На основании проведенного эксперимента мы можем заключить, что при сосредоточении на простом объекте его описание по преимуществу связано с «объектными» описаниями, а высказывания, отражающие реальность субъекта, относятся исключительно к самому себе, своему собственному Я. В этом случае сознание испытуемого работает в парадигме субъект-объект, он в качестве субъекта сознает исключительно самого себя, а окружающий мир – как предметную действительность, которую можно познавать или преобразовывать. При сосредоточении на объектах-символах содержание сознания испытуемого меняется. В его высказываниях отражается реальность другого субъекта, возникает как бы диалог испытуемого с другим Я, представленным символом. Следовательно, *символ обращает нас к реальности другого субъекта, к реальности Ты, он способен вывести нас за пределы собственного Я*, в отличие от предметной действительности, при взаимодействии с которой единственным субъектом остается собственное Я.

Помимо этого основного вывода наше внимание привлек факт индивидуального разброса данных. У некоторых испытуемых «одушевлялись» и «оживали», превращались в символы и простые объекты, а у некоторых упорно сохранялось объектное отношение даже к символическим изображениям. Это наблюдение позволило нам сделать предположение о том, что помимо собственного содержания символа его воздействие на наше сознание определяется установкой самого испытуемого на то, как отнестись к воспринимаемому объекту – как к символу, выражающему другого субъекта, или как к «самодостаточному» никого не выражающему предмету, как к «вещи-в-себе». Согласно К. Г. Юнгу: «Что есть символ, что нет – это зависит, прежде всего, от установки рассматривающего сознания,

например рассудка, который рассматривает данное обстоятельство не просто как таковое, но, сверх того, и как выражение чего-то (мы бы добавили — «кого-то». — *А. П.*) неизвестного» [2, с. 132]. Иными словами, символ становится символом лишь при условии соответствующего к нему отношения субъекта.

Экспериментальное исследование влияния целевой установки (задачи) на осознание символического содержания объекта

Для проверки этой гипотезы мы провели еще один эксперимент, помогающий смоделировать «символическую» и «предметную» установки сознания у испытуемого. Для того чтобы это сделать, необходимо учесть, что установка имеет уровневое строение. А. Г. Асмолов выделяет ситуативную, целевую и социальную установки [1]. Ситуативная установка задается условиями деятельности, целевая — решаемыми задачами, социальная — социальной позицией и индивидуальными особенностями субъекта. В нашем эксперименте ситуативная установка задавалась стимульным материалом, который наиболее отчетливо выражает субъектную реальность и обладает, соответственно, очевидным символическим содержанием. Мы задействовали символы, предъявляемые в разных модальностях, — портреты и притчи. Репродукции первых предъявлялись в формате 10×15 см, тексты вторых были напечатаны на листе белой бумаги (21×29,7 см).

Как уже отмечалось, сам по себе материал еще не определяет однозначно содержание сознания, которое он вызывает к жизни. Для того чтобы определить, действительно ли установка субъекта способна определить содержание сознания как предметное или символическое при предъявлении символа, необходимо было смоделировать различные типы целевых установок. Тип целевой установки определялся содержанием инструкции, предъявляемой испытуемому, и, соответственно, типом задания, которое ему необходимо было выполнить.

При составлении экспериментального задания необходимо было учесть особенности символического и предметного (или объектного) отношения к действительности. В первом случае, как мы уже отмечали, символ выражает конкретного субъекта в конкретных условиях и потому он всегда уникален. Символ всегда противостоит типичному, обычному, стереотипному. Он позволяет нам обнаружить не столько общее и абстрактное, сколько специфическое и конкретное. Символ «провоцирует» нас на обнаружение различий, проявляющихся в нюансах. Объектное отношение к миру, опосредованное знаками, напротив, стимулирует нас к обобщениям, абстракциям и схемам. Оно стирает уникальные

различия, убивая живую индивидуальность субъекта. Мы привыкли превозносить последний тип отношения к миру, так как он более технологичен, эффективен, объективен и прагматичен. Между тем в тех случаях, когда речь идет о человеке, о живом субъекте, о Я, такой тип отношения оказывается неадекватным, так как пытается вогнать его уникальность и уникальность его жизни в прокрустово ложе формальных конструкций и технологий. В этом контексте применительно к развитию человека интересны рассуждения известного невролога О. Сакса, считающего «наивное» сознание и конкретное мышление (в нашем понимании символическое отношение и символическую функцию сознания), преобладающие у людей с интеллектуальной недостаточностью, детей и дикарей, базовыми по отношению к мышлению абстрактному (в нашем понимании — знаковой функции и объектному отношению): «Мир «наивного» сознания столь ярок, насыщен и подробен и в то же время столь непосредствен и прост потому, что он конкретен: его не усложняет, не разбавляет и не унифицирует абстракция. В результате странного обращения естественного порядка вещей неврология (можно добавить, и психология. — *А. П.*) часто рассматривает конкретность как нечто убогое и презренное, как не заслуживающую внимания область хаоса и регресса... Я называю это обращением естественного порядка вещей, поскольку в мышлении и восприятии более фундаментальным считаю не абстрактное, а конкретное. Именно оно делает реальность человека «реальной» — живой, личностной и осмысленной» [4, с. 224].

Символическое отношение, с одной стороны, более конкретно и просто, так как опирается на обычные доступные почти каждому образы или события. С другой стороны, оно более свободно и глубоко, так как не оперирует «рецептурным» знанием, а требует от субъекта самостоятельной активности по осмыслению, пониманию и принятию символизируемой реальности. Притча или портрет существенно проще, нежели, например, научная концепция, но значительно труднее для осмысления и принятия. В этом плане необходимо проблематизировать наше отношение к социализации личности как процессу, который может «склонять» человека к доминирующему в данной культуре типу отношения к миру. В какой степени от самого субъекта зависит отношение к миру как к хорошо или плохо работающему механизму, как к мертвой конструкции или как к «одушевленной» реальности, в которой происходящее пронизано тканью смысла человеческих отношений, неизвестно.

В эксперименте мы попытались спровоцировать эти два типа отношения к предъявляемым объек-

там. Для этого мы попарно предъявляли объекты-символы, которые формально имели ряд сходных особенностей, но различались по своему символическому смыслу. Так, мы использовали две притчи с формально схожими сюжетами («Теневая сторона солнца» и «Не все сразу»²), а также репродукции картин разных авторов — «Кувшин Ханны» Тимоти Тайлера и «Девочка со скрипкой» Томаса Бэйкера, на которых изображены девочки, формально имеющие много общего (обе приблизительно одного возраста, обе сидят и держат в руках какой-то предмет: одна — кувшин, другая — скрипку и др.). Были намеренно взяты картины разных авторов для того, чтобы исключить возможность тождественности их символического смысла.

В данном эксперименте также применялся описанный выше метод рассуждения вслух, предложенный К. Дункером, для актуализации содержания сознания.

Испытуемым предъявлялись следующие две инструкции — первая для актуализации предметного (объектного) отношения, субъект-объектной установки, вторая — символической, субъект-субъектной:

1. Посмотрите на эти картины (прочитайте эти истории) и найдите в них как можно больше общего, рассуждая вслух. Постарайтесь найти основное (главное) сходство между ними.

2. Посмотрите на эти картины (прочитайте эти истории) и найдите между ними как можно больше

² Тексты притч: 1) «Не все сразу»: «Проповедник вошел в зал, где он хотел прочитать проповедь. Зал был пуст, и только в первом ряду сидел молодой конюх. Сомневаясь, должен ли он говорить, он спросил у конюха: «Кроме тебя, здесь никого нет — как ты думаешь, должен я говорить или нет?» Конюх ответил: «Господин, я простой человек, я в этом ничего не понимаю. Но когда я прихожу в конюшню и вижу, что все лошади разбежались, а осталась только одна, я все равно дам ей поест». Проповедник, приняв близко к сердцу эти слова, начал свою проповедь. Он говорил больше двух часов, и, закончив, почувствовал на душе облегчение. Ему захотелось услышать подтверждение, насколько хороша была его речь. Он спросил: «Как тебе понравилась моя проповедь?» Конюх ответил: «Я уже сказал, что я простой человек и не очень-то понимаю все это. Если я прихожу в конюшню и вижу, что все лошади кроме одной разбежались, я все равно ее накормлю. Но я не дам ей весь корм, который у меня есть».

2) «Теневая сторона солнца»: «Один человек каждый день приходил к мудрецу. Однажды мудрец отвел его в сторону и сказал: «Не приходи каждый день, тогда мы больше станем любить друг друга». И тут же рассказал следующую историю. У одного ученого спросили: «Солнце так прекрасно, так великолепно — почему, однако, нельзя сказать, что мы всегда одинаково сильно любим его?» Ученый ответил: «Солнце светит каждый день. И только зимой, когда оно скрывается за тучами, мы начинаем его ценить».

различий, рассуждая вслух. Постарайтесь определить основное (главное) их отличие друг от друга.

Ключевым критерием для дифференциации предметного, знакового отношения и отношения субъектного, символического служили те признаки или свойства, которые испытуемый обнаруживал при сравнении объектов-стимулов. В первом случае это были формальные внешние признаки или свойства сравниваемых объектов (Ф).

Например:

«Обе они в платье... Обе внешне красивые. Ну, дети все красивые, в принципе...»;

«Возраст у них приблизительно одинаковый, около 5–6 лет»;

«В обоих текстах участвуют люди...»;

«У каждой, может быть... вырисованы фигуры одинаково»;

«Ну, общее то, что здесь две притчи. И, наверное, общее, что и там и там перед человеком стоит дилемма, делать что-то или нет. И в общении с кем-то он находит для себя какой-то выход»;

«Держат в руках они разные предметы. У одной в руках скрипка».

Во втором — символический смысл сравниваемых объектов и субъектные проявления персонажей (С).

Например:

«У одной на лице выражение грусти, такой... У другой, мне кажется, наоборот, ощущение приятное. То, о чем она думает, наверное, ей приятно»;

«На картине «Девочка с кувшином» девочка смотрит куда-то вдаль, совершенно не думая о той обстановке, которая ее окружает. А на картине «Девочка со скрипкой» девочка именно смотрит на скрипку и о чем-то думает, о чем-то рассуждает»;

«На картине, где девочка с кувшином, у нее более закрытая одежда, она, может быть, более скована от того, что происходит, от наличной ситуации. Девочка со скрипкой более раскована, что также видно по выражению лица»;

«Ну, мудрец, в принципе, тоже такой доминирующий, но он доминирующий не по какому-то социальному положению, а просто по своей мудрости»;

«Такое ощущение, что эмоции разные передают. Вот эта (показывает на картину «Кувшин Ханны») больше печальная девочка, а эта (показывает на девочку со скрипкой)... ну, у нее как будто бы какая-то радость. И это очень бросается в глаза»;

«У обеих печальный, грустный взгляд, обе чем-то опечалены... Главное сходство — это то, что они обе грустные, печальные».

Кроме того, в этом эксперименте, как и в предыдущем, у испытуемых иногда встречались высказывания, отражающие их собственные состояния или действия (С–Я).

Для того чтобы избежать влияния длительного сосредоточения на объекте-стимуле на результат эксперимента, первая и вторая инструкции у разных испытуемых предъявлялись в разной последовательности. Всего в эксперименте приняло участие десять взрослых испытуемых различного пола, возраста и социального статуса.

При предъявлении инструкций на обобщение и различение, создающих, по нашему предположению, «объектную» и «субъектную» или «знаковую» и «символическую» целевые установки, нами были обнаружены различия в ответах испытуемых. В первом случае в портретах и притчах испытуемые выявляли формальные предметные характеристики. Кроме того, при соблюдении установки на обобщение в случаях, когда формальные признаки исчерпывали себя и у испытуемого наступала стадия пресыщения, в ответах появлялись высказывания, отражающие собственные состояния и действия испытуемого (С–Я), что также подтверждает наше предположение о том, что задача, стоящая перед субъектом, определяет его отношение к объекту как к предмету или как к символу. Во втором случае появлялась выраженная установка на обнаружение символического смысла, которая в процессе выполнения задания (обнаружения новых различий и определения главного из них) усиливалась. Любопытно, что, как и в предыдущем эксперименте, при обнаружении различий в некоторых случаях высказывания, выражающие символический смысл (С), чередовались с высказываниями, содержащими формальные признаки сравниваемых объектов (Ф), что еще раз показывает циклический характер изменения содержания сознания при сосредоточении на символе.

После определения типов отдельных высказываний осуществлялась оценка содержания ответов в целом при выполнении каждого из четырех заданий – как предметного или символического, сви-

детельствующего об отношении к предъявляемым объектам как к предметам или как к символам. Для этого анализировалась логика высказываний в целом, и особое внимание уделялось ответам, связанным с обнаружением основного сходства или различия между сравниваемыми объектами. Если акцент в высказываниях испытуемого делался на формальных предметных характеристиках сравниваемых объектов, то их содержание оценивалось как предметное, если на субъектных (переживания, отношения субъекта), то как символическое. В некоторых случаях символический смысл не вычленился сразу, а раскрывался и уточнялся постепенно. С помощью уточняющих вопросов экспериментатора могли появляться дополнительные интерпретации смысла символа.

В количественном плане оценивался процент случаев, когда изменение инструкции приводило к изменению содержания сознания – с предметного на символическое. Полученные данные выглядят следующим образом (таблица 2). Содержание сознания, отраженное в описаниях сравниваемых объектов, при изменении инструкции в 50 % случаев изменялось с предметного на символическое. Однако не было обнаружено ни одного случая обратного изменения содержания ответов испытуемых, когда при выполнении инструкции на нахождение различий высказывания отражали предметный смысл, а при выполнении инструкции на нахождение общего – символический. Кроме того, в трех случаях было обнаружено более скрытое влияние задачи на обнаружение символического смысла. В подобных случаях мы не фиксировали переход от отношения к сравниваемым объектам как предметам к отношению к ним как к символам. Однако наблюдалось уточнение и углубление понимания символического смысла. Факты уточнения смысла при изменении инструкции в целом также подтверждают общее положение о влиянии

Таблица 2 – Обобщенная оценка ответов при выполнении заданий на обнаружение общего и различий при сравнении символических объектов

№ задания	Испытуемый, содержание сознания										% изменений содержания сознания с предметного на символическое	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Картины Притчи	Общий показатель
1	П	П	П	С	С	П	П	С	С	С	50	50
2	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С		
3	П	П	П	С	С	П	П	П	П	П	50	
4	С	П	П	С	С	С	П	С	С	С		

Примечание. Задания: № 1 – найти общее между картинками, № 2 – найти общее между историями, № 3 – найти различия между картинками, № 4 – найти различия между историями. П – предметное содержание сознания; С – символическое содержание сознания.

целевой установки (задачи) на обнаружение символического содержания объекта. Если принять их в учет в количественном отношении, то окажется, что изменение инструкции приводило к изменению содержания ответов в 65 % случаев. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что целевая установка, определяемая задачей, влияет на отношение субъекта к реальности как символической, выражающей субъектную реальность, или как обладающей лишь внешними предметными свойствами.

Кроме того, мы обнаружили факт, подтверждающий обнаруженный в предыдущем эксперименте феномен. Очевидно, что обнаружение различий и в особенности вычленение главного из них требовало от испытуемого определенных усилий, что выражалось в паузах (в некоторых случаях длительностью почти в 1 минуту), постепенном движении от формальных внешних различий к смысловым и постепенном раскрытии или уточнении смысла символа. Можно утверждать, что понимание символа требует «погружения» в его содержание. В результате символический смысл, по нашему предположению, эмоционально переживается субъектом и создает установку на ту или иную деятельность. Именно эмоциональный «заряд» символа способен, на наш взгляд, вызывать к жизни у субъекта те или иные установки и намерения.

Между тем, как и в предыдущем эксперименте, здесь мы встречались с некоторыми исключениями из правила. Наблюдались случаи, когда изменение инструкции не вызывало изменений характера ответов и они в обоих случаях отражали либо символическую реальность, либо предметную. Иногда даже при обнаружении различий между сравниваемыми объектами испытуемые апеллировали к формальным признакам и описывали свои субъективные состояния или действия, т. е. сохраняли отношение к символу как к предмету, имеющему лишь объективное значение, но не выражающему реальность другого субъекта. В других случаях константной оставалась установка на выявление символического смысла. Такие случаи не опровергают выдвинутой нами гипотезы, однако указывают на значительную роль социальной или личностной установки на осознание смыслового содержания символа. Ответы, которые не менялись при изменении инструкции, можно объяснить устойчивостью отношения личности к действительности, т. е. наличием преобладающей социальной установки на отношение к миру как предметному или выражающему символический смысл. Не всегда целевая установка, «запускаемая» в контексте конкретной решаемой человеком задачи, способна «перекрыть» установку личности.

Таким образом, полученные экспериментальные данные раскрывают роль целевой установки в формировании субъект-объектного, «знакового», или субъект-субъектного, «символического», отношения к действительности. Исследование доказывает, что символ может стать символом лишь при условии соответствующего к нему отношения. Это отношение связано не с установкой теоретического, понятийного, абстрактно-категориального сознания на обобщение, а с установкой конкретного, «наивного» сознания на различение, на выявление уникального и специфического в объекте (или субъекте). Именно последняя установка позволяет сформировать у субъекта отношение к действительности как к одушевленной символической реальности, выражающей уникального субъекта, имярека. Полученные данные проливают свет на устройство СФС. Становится очевидным, что самого факта предъявления человеку символа еще недостаточно для того, чтобы он был понят и пережит как символ и чтобы было раскрыто его смысловое содержание. Именно здесь мы приходим к пониманию СФС как функционального органа, нацеленного на понимание символического смысла, на обнаружение и раскрытие выраженной в символе реальности другого субъекта, его отношений, переживаний, чувств и др.

***

Подытоживая результаты двух экспериментов, мы можем сделать несколько важных выводов относительно психологического значения символических форм и работы СФС:

- 1) символ является той культурной формой, которая обращает наше сознание к реальности другого субъекта и интерсубъектных отношений;
- 2) проникновение в реальность символического смысла требует от самого субъекта встречной активности и усилия, затрачиваемого на сосредоточение на символе;
- 3) обнаружение символического содержания зависит от задачи, решаемой субъектом, и общей личностной позиции, определяющих отношение к действительности как к предметной или как к символической.

Субъект отношений в представленном нами контексте обретает две ключевые характеристики или способности. Во-первых, при построении отношений он преодолевает зависимость от предметных условий, внешних обстоятельств (что, однако, не исключает необходимости их учитывать). Основной вектор действий субъекта не совпадает с вектором действия «естественных» сил — обстоятельств, привычек, импульсов, витальных потребностей и т. п. Это становится возможным благодаря тому,

что «опорой» для построения деятельности становятся отношения с Другим, другим Я, и субъект обретает возможность вырваться из порочного круга субъект-объектного взаимодействия, в котором его активность определяется в равной мере не только им самим, но и самим объектом. Во-вторых, субъект отношений преодолевает ориентацию исключительно на самого себя и «обнаруживает» реальность другого Я или Ты. Смещение в сознании акцента с объекта и собственного Я на другое Я или Ты есть существенный момент социализации и духовного роста личности, требующий от нее значительных усилий. Оба указанных вектора изменений субъекта задаются логикой освоения символических форм культуры.

Список цитированных источников

1. *Асмолов, А. Г.* Установка и целеобразование / А. Г. Асмолов // Психологические исследования интеллектуальной деятельности ; под. ред. О. К. Тихомирова. – М., 1979. – С. 125–132.
2. *Дешарне, Б.* Символ / Б. Дешарне, Л. Нефонтен; пер. с фр. И. Л. Нагле. – М., 2007.
3. *Дункер, К.* Структура и динамика процессов решения задач (о процессах решения практических проблем) / К. Дункер // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. – М., 1981. – С. 258–268.
4. *Сакс, О.* «Человек, который принял жену за шляпу» и другие истории из врачебной практики / О. Сакс. – СПб., 2006.

Дата поступления в редакцию: 17.09.2010 г.